

Он взял одну из укороченных моделей, но, накинув её на себя, понял, что она всё равно велика. Особенно широкими оказались воротник и манжеты — точь-в-точь как в те времена, когда он считал подобный оверсайз «стильным». Снаружи раздался стук в дверь:

— Можешь носить? Если нет, я прикажу, чтобы прислали другую.

— Могу, просто немного великовата.

За дверью на мгновение повисла пауза:

— Насколько великовата?

Су Хуэйи, не обладая красноречием, чтобы описать это словами, просто потянул за широкий воротник и распахнул дверь —

Свет в коридоре заслонила высокая фигура. Су Чи стоял прямо перед ним, глядя сверху вниз.

Воротник съехал, обнажая полоску фарфорово-белой кожи. Су Чи резким движением перехватил его запястье — мягкая ткань соскользнула обратно на плечо. Су Хуэйи поднял взгляд:

— Старший брат?

Су Чи опустил глаза, его взгляд скользнул по изящной линии шеи и яркой красной родинке, затем опустился ниже, скрываясь в глубине выреза. Кончики его пальцев едва заметно дрожали, словно он сдерживал какой-то порыв.

— Поправь как следует.

Су Хуэйи послушно отдернул руку.

Когда его запястье выскользнуло из ладони брата, Су Чи машинально сжал пальцы и потянул обратно — Су Хуэйи, застигнутый врасплох, шагнул вперед, и они едва не столкнулись.

Су Хуэйи отпрянул, запрокинув голову:

— Брат, ты же сам сказал поправить?

— Угу. — Грубые подушечки пальцев с контролируемой силой надавили на плечо, а затем отпустили. Су Чи спрятал руки в карманы брюк. — Я проверял, не надел ли ты её задом наперед.

Су Хуэйи впал в глубокие сомнения:

— Я что, надел её задом наперед?

Су Чи ответил как ни в чём не бывало:

— Не разберешь. Ты что так, что эдак носишь одежду, будто это дырявый мешок.

Су Хуэйи: «...»

Он передел свитер, а сверху снова натянул пуховик. Намокшую вещь он сложил в бумажный пакет — вечером заберет домой постирать.

Горловина у свитера была широкой, и под давлением пуховика она постоянно сползала. Су Хуэйи, пытаясь её поправить, склонился над рабочим столом, разбираясь с документами, как вдруг Су Чи внезапно встал и вышел.

— Брат, ты куда?

Дверь закрылась:

— Иду за экипировкой для тебя.

Су Хуэйи: «?»

Не прошло и пяти минут, как дверь снова открылась. Су Чи вошел с бумажным пакетом и поставил его прямо перед носом у Су Хуэйи.

— Что это? — Су Хуэйи с головой нырнул в пакет.

Он вытащил темно-синий шарф. Упаковка не была вскрыта, но по текстуре и бренду было ясно — вещь дорогая.

— У этого свитера слишком открытый воротник, обмотайся, — сказал Су Чи.

С тех пор как Су Хуэйи купил пуховик с высоким горлом, он перестал носить шарфы:

— Как-то даже неловко... — Пробормотав это, он невозмутимо вскрыл шарф, обмотал его вокруг шеи и снова превратился в некое подобие бонся. — Брат, если ты его купил, почему сам не носил?

— Мне подарили, мне без надобности.

Съежившись в «горшке», Су Хуэйи расцвел:

— Ого, такой хрупкий, как я, и такой горячий, как старший брат~

Су Чи: «...»

Су Чи: «Ха-ха».

После работы они поехали в больницу, где уже были Юй Синьянь и Су Цзяньчэнь. По дороге купили коробку десертов.

Су Чи вошел в палату и поставил пакет на столик:

— Папа, это из той лавки, которую ты любишь. Перекусишь ночью.

Су Цзитун, вытянув шею, взглянул с кровати:

— Вы чего...

Как же это трогательно! Су Хуэйи с гордостью выпятил грудь.

Су Цзитун:

— Так мало купили?

Су Хуэйи: «...»

Су Чи открыл рот, чтобы что-то сказать, но закрыл. На мгновение Су Хуэйи заметил, как тот с трудом сглотнул готовые сорваться колкости.

Су Цзитун быстро перевел тему.

— На следующей неделе меня выписывают. Третий сказал, что у него проект, на Рождество приехать не успеет. Мы с мамой решили, что когда он вернется, все вместе поедem на юг.

Су Чи согласился.

Посидев немного, в девять вечера они начали собираться домой. В коридоре больницы Юй Синьянь вдруг удивленно воскликнула:

— Сяо И, откуда у тебя этот цвето... шарф?

Су Хуэйи догадался, что она хотела сказать «цветочный горшок».

— Это брата.

Юй Синьянь:

— Но когда ты уходил утром, ничего не было.

— Только сегодня после обеда «посадил».

Су Цзяньчэнь нахмурился, в его душе зародилось смутное подозрение:

— Старший брат, вы что...

Су Чи поджал губы:

— Что?

Су Цзяньчэнь, помрачнев:

— Вы что, опять вдвоем ходили по магазинам за моей спиной?

«...»

В обычно ледяном взгляде Су Чи промелькнула редкая искра заботы.

Су Цзитуна выписали как раз накануне Рождества. Остальные члены семьи собрались, чтобы решить, как окружить главу семьи теплом.

Как раз наступило Рождество, и Юй Синьянь предложила установить в саду огромную новогоднюю елку, увешав её лампочками и подарками. Су Цзяньчэнь склонялся к традиционной церемонии приветствия с приглашением труппы танцоров со львами. Су Хуэйи считал, что нужно добавить немного душевности, поэтому заказал пронзительную, переполненную чувствами песню «Возвращение домой», намереваясь включить её сразу, как только Су Цзитун выйдет из машины.

Когда каждый привнес в приветственную программу частичку своего вкуса, они дружно

обернулись к Су Чи:

— А ты что подготовил?

Су Чи невозмутимо листал журнал:

— Маску для сна и беруши.

Все трое: «...»

В конце концов, Су Цзитун пережил это многогранное приветствие.

За ужином Су Цзяньчэнь, редко когда проявляющий солидарность, попытался «кикнуть» старшего брата из общего круга:

— Папа, в этом приветствии старший брат вообще ничего не сделал.

Су Хуэйи покосился на него, пораженный его наглостью! Не успел он оправдать Су Чи, как на последнего упал одобрителный взгляд.

Су Цзитун:

— Старший молодец.

Все остальные: «...»

Су Чи невозмутимо ел, элегантно держа миску.

...

На следующее утро, в восемь часов, в ворота семьи Су постучали. Вся семья завтракала, У Ма пошла открывать.

Вернувшись, она держала огромный букет, который почти полностью закрывал ей обзор:

— Господин, госпожа, с самого утра нам доставили цветы.

Су Цзитун отложил палочки:

— Кто прислал?

Пока У Ма искала открытку, Су Хуэйи принялся рассуждать:

— Может, это главврач прислал отцу в честь выписки?

Су Чи сухо заметил:

— Следи за формулировками.

Су Хуэйи почтительно исправился:

— Может, это главврач преподнес отцу в честь его выписки?

Все: «...»

Су Чи: «Я имел в виду...»

— Ой? — Вскрик У Ма прервал культурную дискуссию. — Это для младшего господина Сяо И!

Су Хуэйи остолбенел:

— Чего???

...

Огромный букет поставили на кофейный столик в боковой гостиной. Семья обступила его, с мрачными лицами, словно вела серьезное собрание.

Цветы были свежими, даже с каплями росы на лепестках. Добиться такого букета в конце декабря, в лютые морозы, стоило немалых усилий. На маленькой карточке размашистым почерком было написано:

«С Рождеством, Сяо И. Хотел подарить тебе звезды с неба и жемчужины со дна океана, но это всё слишком банально. Поэтому я собрал букет зимних цветов и принес его к твоим ногам. — Не Иху»

Су Цзитун долго подбирал слова. Через некоторое время он осторожно спросил:

— Сяо И, что ты чувствуешь, прочитав это?

Су Хуэйи проанализировал текст:

— Он использовал рифму!

Все остальные: «...»

Видя, что тот вообще не улавливает суть, Су Цзитун снова повернулся к Су Чи:

— Старший, ты постоянно с ним, когда он успел познакомиться с этим человеком? И вообще, что это за Не Иху такой?

Су Чи вдруг подумал, что у его отца неплохой уровень владения языком.

— Ничего особенного, — ответил Су Чи.

Су Цзитун и Юй Синьянь переглянулись с тревогой: кто-то посягает на их «белоснежную капусту», да и старший сын отзывается об этом человеке не лучшим образом.

Су Хуэйи, видя их состояние, попытался разгладить складки на их лбах:

— Да не так уж всё и плохо. Посмотрите, стихи он пишет неплохо, значит, человек культурный.

На него упал ледяной взгляд:

— У тебя настолько низкие стандарты?

Су Хуэйи, сжимая карточку, притих. Старший брат не любит этого мистера Не, и он не будет с ним спорить. Су Цзитун, видя, как у Су Хуэйи поникли его «антенки», подошел ближе:

— Сяо И, не слушай своего брата, папа хочет знать, что ты сам думаешь. Что скажешь об этом

Не Иху?

Су Хуэйи замахал руками:

— У меня к нему никаких чувств нет.

<http://bllate.org/book/18282/1752327>